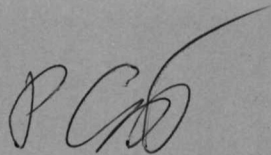

0- 772642

На правах рукописи

Схатум Руслан Баричевич

ВОЕННОЕ ДЕЛО АДЫГОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА
(вторая половина VIII-XVII вв.)

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Майкоп – 2008

Работа выполнена на кафедре истории и музееведения в
ГОУ ВПО «Краснодарский государственный университет
культуры и искусств»

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
доцент
Берлизов Николай Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
доцент
Чирг Асхад Юсуфович

кандидат исторических наук,
Голубев Лазарь Эрвандович

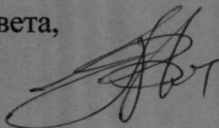
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Армавирский госу-
дарственный педагогический
университет»

Защита состоится 21 ноября в 14 часов 30 минут на
заседании диссертационного совета ДМ 212.001.08 по
историческим наукам при Адыгейском государственном
университете по адресу: 385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Университетская (Первомайская), 208, ауд. № 205.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Адыгейского государственного университета

Автореферат разослан 18 октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н., доцент

В.Н. Мальцев

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000510522

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В истории адыгов VIII–XVII вв. военное дело играло значительную роль. Это подтверждается многочисленными письменными, этнографическими источниками, которые отмечают традиционную воинственность местного населения и отражено в археологических материалах. Комплексное исследование темы позволит всесторонне осветить историко-политические и социально-экономические процессы, происходившие в VIII–XVII вв. на Северо-Западном Кавказе и в соседних регионах расселения адыгских племен.

Специализированное изучение военного дела адыгов имеет полувековую историю, но всегда строилось на ограниченной источниковой базе и замыкалось узкими хронологическими и географическими рамками. Таким образом, вооружение и военное дело местного населения не стало объектом специального всестороннего исследования.

Накопленный материал дает возможность целостно рассмотреть военное дело адыгов интересующего нас периода и определить основные вехи и направления его развития.

Степень научной разработанности проблемы. В дореволюционной России предметом исследования являлась в основном военно-политическая история адыгов средних веков. Сведения об этом можно найти в работах Ш.Б. Ногмова, Хан-Гирея, И.Ф. Бларамберга, Ф.К. Бруна, Е.Д. Фелицына, Н.С. Трубецкого¹ и ряда других отечественных исследователей. Однако, одна из самых важных составляющих военного дела – вооружение адыгов средних веков, – не нашла отражения в их работах. Во-первых, они не ставили перед собой такой цели, а во-вторых, незначительный археологический материал не позволял связать его со скупыми письменными источниками.

В советское время история и этногенез адыгов различных периодов средневековья нашли отражение в работах целого ряда специалистов, из которых особо следует отметить труды Е.С. Зевакина и Н.А. Пенчко,

¹ Брун Ф.К. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Записки императорского одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9; Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Кубанского Областного Статистического комитета. Екатеринодар, 1899. Т. 5; Трубецкой Н.С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982; Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.

Л.И. Лаврова, Е.Н. Кушевой, Е.П. Алексеевой, А.В. Гадло, А.М. Некрасова¹. Среди комплексных работ этого периода можно выделить сборники «Очерки истории Адыгеи», а также первую часть «История народов Северного Кавказа»².

В это время началось специализированное изучение военного дела адыгов. Основоположителем этого направления можно считать М.Л. Стрельченко³. Его работа основана на материале лишь одного могильника, но автор придал ей обобщающий характер. Он выделил типы некоторых видов вооружения (сабли, наконечники копий). В диссертации М.Л. Стрельченко, посвященной материальной культуре адыгов Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв., отражены основные положения этой работы⁴.

Среди исследований 1960-х гг. следует отметить труд А.Ф. Медведева о метательном оружии населения Восточной Европы VIII–XIV вв., в том числе и Северного Кавказа. В нем были использованы материалы и средневековых адыгских древностей⁵.

В 1980-е гг. вышел целый ряд работ, посвященных отдельным видам вооружения и периодам военного дела адыгов. Среди них следует отметить раздел по оружейному производству в статье М.А. Меретукова о кустарных промыслах и ремеслах у адыгов⁶. Исследователь прослеживает своего рода эволюцию вооружения на протяжении значительного хронологического периода. Однако она основана на незначительном письменном, археологическом и этнографическом материале и носит в большей степени компилятивный характер. В ней

¹ Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. М., 1938. Вып. 3; Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. М., 1956. № 1; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963; Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л., 1979; Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV- первая половина XVI в.). М., 1990 и др.

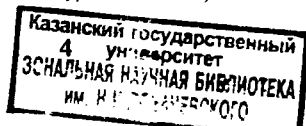
² Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. I; История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). М., 1988.

³ Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племён в X–XV вв. (по материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960. Вып. 1.

⁴ Стрельченко М.Л. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1969.

⁵ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук стрелы, самострел). Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1966.

⁶ Меретуков М.А. Кустарные промыслы и ремесла у адыгов (XIX – начало XX вв.). Оружейное производство // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1981. С. 56–71.

кратко описаны находки некоторых видов вооружения из разновременных памятников Северо-Западного Кавказа. На 15 страницах автор излагает историю вооружения, охватывающую период в четыре тысячи лет – с начала II тысячелетия до н.э. до XIX в. включительно. Такой поверхностный подход не позволяет выстроить эволюционную схему развития вооружения на протяжении нескольких тысяч лет. Кроме того, с точки зрения современной науки, подход автора к проблеме этногенеза адыгов представляется спорным.

Отдельным видам вооружения населения Северо-Западного Кавказа раннего средневековья посвящены несколько статей В.Н. Каминского. В них всесторонне исследуются конструкции луков и налучий, способы их ношения, а также метательные ножи, использовавшиеся местным населением¹.

В 1986 г. вышла статья А.Х. Нагоева, посвященная истории военного дела адыгов позднего средневековья (XIV–XVII вв.)². Он справедливо отметил некоторые недостатки работы М.Л. Стрельченко 1960 г. которая, по его мнению, не затрагивает ни одной сложной проблемы военного дела адыгов. Статья А.Х. Нагоева, хронологически дополняет работу М.Л. Стрельченко, но некоторые его выводы, касающиеся вооружения и тактики адыгов, являются спорными или не соответствующими действительности.

Следует отметить также исследование В.А. Тарабанова, посвященное вооружению и снаряжению всадников хазарского времени³. Однако тезисная форма публикации, где приведены краткие подсчеты различных видов оружия, не дает, по сути дела, никакой детальной информации. Тем не менее, поставленная автором задача показать схожесть вооружения двух различных групп населения (касогов и болгар) и доказать существование их общих военно-организационных структур, в определенной степени была выполнена.

Третью группу научной литературы, продолжающую исследования по истории и происхождению адыгов, составляют работы постсоветского периода с начала 1990-х гг. и до наших дней. Среди специалистов этого направления следует отметить, прежде всего, Р.Ж. Бетрзова, В.А. Гадло,

¹ Каминский В.Н. Воинское снаряжение раннесредневековых племен Северо-Западного Кавказа // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. VI; Каминский В.Н. Из истории воинского снаряжения на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1988. Вып. VII.

² Нагоев А.Х. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV–XVII вв.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

³ Тарабанов В.А. Вооружение и снаряжение всадника VIII–X вв. в могильниках Казазово I и II // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989.

Э.Х. Панеш, А.В. Пьянкова¹. История и социально-экономическое развитие адыгов отражены в исследованиях А.Ю. Чирга, В.А. Тарабанова, Л.Э. Голубева² и ряда других исследователей. К этому же времени относится и монографический труд А.Х. Нагоева³. Один из его, разделов посвященный военному делу позднесредневековых адыгов, практически повторяет статью 1986 г., но в расширенном варианте.

В этот период вышло в свет несколько публикаций, в которых освещаются вооружение, отдельные организационные и структурные особенности военного дела адыгов. Одна из них – монография Э.Г. Аствацатурян посвященная оружию народов Кавказа⁴. Однако, работа ограничена рамками XVII–XIX вв. и лишь в отдельных случаях автор привлекает для сравнения более ранний материал. Тем не менее, ее труд является наиболее важным исследованием вооружения адыгов нового времени. Кроме того, книга Э.Г. Аствацатурян позволяет ретроспективно моделировать отдельные стороны военного дела более раннего времени.

В 1997 г. выходит статья, посвященная, главным образом, вооружению населения Северного Кавказа раннего средневековья⁵. Несмотря на некоторую обобщенность и неполноту приведенного в ней материала, работа охватывает значительный географический и хронологический диапазон. Ее дополняют недавно опубликованные исследования Е.А. Армарчук и У.К. Кочкарова, в которых освещаются некоторые стороны военного дела населения Северо-Западного Кавказа и Предкавказья⁶.

¹ Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в X–XIII вв. СПб., 1994; Панеш Э.Х. К ранней истории адыгов // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995; она же: Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996; Пьянкова А.В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. I.

² Чирга А.Ю. Краткая история Черкесии (с древнейших времен до начала XIX в.) // Гибель Черкесии. Краснодар, 1994; Тарабанов В.А. Социальные отношения адыгов в X–XV вв. // Древности Кубани. Краснодар, 1997; Голубев Л.Э. Социально-экономическое и политическое развитие адыгов в XIII–XV вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. Майкоп, 2004.

³ Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.

⁴ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., Нальчик, 1995.

⁵ Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в Раннем средневековье // Археологический альманах. Вып.3. Армавир, М., 1997.

⁶ Армарчук Е.А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М., 2004; Кочкаров У.Ю. Комплекс вооружения воинов Северо-Западного Предкавказья в VIII–XIV вв. // «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.

За последние годы вышло несколько работ посвященных отдельным категориям наступательного и защитного вооружения, главным образом золотоордынского времени которое использовалось населением Северного Кавказа в том числе и адыгами¹.

Книга А.С. Марзея, переизданная в 2004 г., посвящена черкесскому наездничеству – «зеклуэ»². В ней он определил основные понятия этого явления. Несмотря на то, что работа ограничена рамками XVIII – первой половины XIX вв., «зеклуэ», как отмечает сам автор, имело гораздо более глубокие исторические традиции.

Большой интерес представляют исследования по морскому делу населения Северо-Восточного Причерноморья. Прежде всего, это статья А.Ю. Чирга³. В ней приведены сведения о некоторых малоизвестных деталях управления адыгами своими судами в бою, которые можно использовать для ретроспективного исследования морского дела автохтонного населения в средневековье.

С.Х. Хотко в одном из разделов своей книги описал пиратскую деятельность адыгов средних веков и нового времени, а также их предков в эпоху античности⁴. В то же время, автор не ставил задачу детального исследования конструкции боевых судов и тактики ведения морского боя.

Кроме того, С.Х. Хотко в 1993 г. выпустил книгу, в которой подробно освещены место и роль черкесских мамлюков в мировой истории, правивших 135 лет (1382–1517 гг.) в Мамлюкском султанате⁵.

В статье М.В. Горелика, приводятся свидетельства пребывания адыгов на Днепре во второй половине XIII – первой половине XIV вв. В ней рассмотрены характерные для золотоордынской эпохи виды вооружения – сабли и щиты – широко распространенные в это время у адыгов. Автор относит их к элементам «общеимперской» золотоордынской культуры⁶.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить, что,

¹ Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П. О двух типах наконечников копий на территории Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып.2; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып.2.

² Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зеклуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Изд. 2-е. Нальчик, 2004.

³ Чирг А.Ю. Черкесский флот в Кавказской войне // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994.

⁴ Хотко С.Х. Черкесское пиратство // История Черкесии. СПб., 2001.

⁵ Хотко С.Х. Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993.

⁶ Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII – 1-я половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып.3.

несмотря на целый ряд исследований, посвященных отдельным сторонам военного дела адыгов, вооружение – как главная его составляющая, – по-прежнему остается малоисследованным и не систематизированным.

Объектом диссертационного исследования является адыгское общество VIII–XVII вв.

Предметом исследования является военное дело адыгов: вооружение, организация, структура, тактика, стратегия и численность вооруженных сил, фортификация, способы ведения обороны и осады укреплений, а также морское дело.

Хронологические рамки диссертации ограничены временем от второй половины VIII в. до XVII в. включительно. Применительно к Северо-Западному Кавказу со второй половины VIII в. можно говорить о начале складывания здесь раннефеодальных отношений, формировании основы военной организации адыгов и о новом комплексе вооружения. При определенном внешнем влиянии, основные его элементы продолжали свое развитие вплоть до XVII в.

Территориальные границы включают земли Северо-Западного и Центрального Кавказа и Восточное Приазовье.

Цель и задачи диссертации. Целью является комплексное исследование военного дела адыгов середины VIII–XVII вв. Для реализации этой цели ставятся следующие задачи:

- на основе историографического анализа рассмотреть уровень, степень и перспективы изучения проблемы;
- выявить и проанализировать источники, отражающие военное дело адыгов в его историческом развитии;
- исследовать структуру военной организации адыгов, стратегию и тактику ведения боевых действий;
- определить основные традиционные направления в строительстве укреплений, способы их обороны и осады;
- системно изучить комплекс вооружения адыгов в контексте исторических процессов;
- рассмотреть военно-морские традиции адыгов, тенденции их развития;
- определить основные этапы развития различных отраслей военного дела адыгов и раскрыть спорные и мало исследованные стороны данной темы.

Источниковедческую базу составили письменные и археологические источники. Среди письменных выделяются арабские, персидские, армянские грузинские *хроники* и русские *летописи*. Сведения,

содержащиеся в них, относительно немногочисленны и отрывочны, информация обычно краткая. Тем не менее, благодаря этим сведениям, мы располагаем отдельными датами событий адыгской истории, что представляет ценность для уточнения хронологии. Так важным источником является древнерусская летопись «Повесть временных лет», в которой сообщается о событиях X–XI вв., а также «Воинские повести Древней Руси»¹, где освещаются отдельные даты в истории адыгов XIII–XIV и XVII вв.

Ценные сведения о численности населения Северо-Западного Кавказа и его истории в середине X в. содержатся в армянской хронике Вардана Великого². Из грузинских источников были использованы хронографы жизни царицы Тамары, Парижская хроника, «История» Вахушти Багратиони³. В них имеется информация касающаяся истории адыгов в XII–XIII и XVI вв. Из арабских хронистов можно отметить Ибн ал-Асира и Ибн Фадлаллах Эломари⁴, а из персидских – Рашид-ад-Дина, Низам-ад-дина Шами, Шериф-ад-дина Йезди, Абд-ар-раззак Самарканди⁵. В этих хрониках есть краткие, но ценные сведения по истории адыгов золотоордынской эпохи. К этой же категории источников, по-видимому, следует отнести труд Лаоника Халкондила⁶, в котором сообщается о нападении адыгских пиратов на Трапезундскую империю в середине XV в.

Важными источниками по истории адыгов являются *трактаты*. Один из них – это сочинение середины X в. Константина Багрянородного⁷. В нем описаны события X в., и даны сведения о расселении адыгов в это время. В трактате Карла Пейсонеля⁸, детально описаны внешняя и внутренняя торговля в Черкесии в XVIII в., социальная стратификация адыгского общества, и некоторые детали их быта и культуры.

Обширная и подробная информация о военно-политической истории и военном деле населения Северо-Западного Кавказа содержится в

¹ Повесть временных лет. // Древнерусская литература. М., Л., 1950. Ч. 2–4; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

² Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861.

³ Жизнь царицы царик Тамар. Тбилиси, 1985; Парижская хроника (Грузинская хроника XVIII века). Тбилиси, 1991; Вахушти Багратиони. История царства грузинского. Тбилиси, 1976.

⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из арабских источников). СПб., 1884. Т.I.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из персидских сочинений). М., Л., 1941. Т.II.

⁶ Laonici Chalcocondylae. Historiorum Demonstrationes. Budapestini, 1932.

⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

⁸ Карл Пейсонель. Трактат о торговле на Черном море. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

записках современников, например в сочинении ал-Масуди¹. Из европейцев XIII–XV вв. – это Юлиан, Вильгельм Рубрук, Иоанн де Галонифонтибус, Иоганн Шильтбергер, Иосафат Барбаро². Для XVI–XVII вв. – Сигизмунд Герберштейн, Мартин Броневский³, Николай Витсен, Жан Шарден⁴. Из турецких письменных источников следует упомянуть Ибн Кемаля оставившего свидетельства о походе турок в Черкессию в 1479 г.⁵.

Наиболее ценными для изучения быта, культуры, религии и других сторон жизни адыгского народа являются записи, составленные современниками в виде этнографических описаний. Наиболее раннее из них – это «монографическое» описание Черкессии XV в. Джорджио Интериано⁶, который жил среди адыгов и подробно описал их общество. Для XVII–XVIII вв. можно отметить таких авторов, как Джиованни де Лукка, д'Асколи, Эвлия Челеби и Ксаверии Главани⁷.

¹ Масуди о Кавказе. Мурудж ад-Дзахаб («Россыпи золота») // Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.

² Повествование венгерских миссионеров о путешествии в Восточную Европу в 30-х годах XIII века. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Вильгельм Рубрук. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253. // Путешествие в восточные страны. М., 1997; Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (из сочинения «Книга познания мира»). Баку, 1980; Иоганн Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1327 год. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану. // Барбаро и Контарини о России. М., 1971.

³ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988; Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т.6.

⁴ Николай Витсен. Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Жан Шарден. Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

⁵ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С.52.

⁶ Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

⁷ Джиовани Лукка. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин, Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Эмиддио Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч., 1634 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Ксаверии Главани. Описание Черкессии, составленное Ксаверии Главани, французским консулом в Крыму и первым

Этнографические источники. В качестве дополнительной информации были привлечены исследования и описания авторов конца XVIII – первой половины XIX вв. – П.С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота, С. Броневского, Л.Я. Люлье¹. Ценный материал о мореходстве абхазов содержится в этнографическом очерке Ш.Д. Инал-Ипа².

Записки, дневники и письма исследователей и путешественников первой половины XIX в.: Жака Тебу де Мариньи, Эдмонда Спенсера, Фредерика Дюбуа де Монпере, Джеймса Белла были использованы для ретроспективных построений при воссоздании отдельных сторон военной организации и морского дела адыгов средневекового периода.

Археологические источники являются одними из наиболее информативных. Они позволяют осветить этапы развития, например вооружения, оценить достоверность письменных источников, а порой и восполнить их отсутствие.

Раскопки на Кубани начинаются в конце XIX столетия. В 1896–1897 и в 1907–1908 гг. Н.И. Веселовским были раскопаны курганы золотоордынского времени у станиц Белореченской и Ханской³. Спустя полвека В.П. Левашова подробно проанализировала эти материалы⁴. Помимо Н.И. Веселовского, наиболее информативные археологические данные были получены при раскопках В.И. Сизова и В.В. Саханева⁵, на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа.

Значительный материал дали археологические раскопки в советское время. Массовый характер они приобрели в середине и второй половине XX в. до начала 1990-х гг. Это было следствием широкомасштабного

врачом хана. В Бахчисарае, 20 января 1724 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974; Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып.2:

¹ Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974; Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974; Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи (периздание). Киев, 1991; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Нальчик, 1999.

² Инал-Ипа, Ш.Д. Этнографический очерк: мореходство абхазов // Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.

³ Отчет археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898; Отчет археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900; Отчет археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1910; Отчет археологической комиссии за 1908 г. СПб., 1912.

⁴ Левашова В.П. Белореченские курганы // Труды государственного исторического музея. М., 1953. Вып.22.

⁵ Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1889. Вып. II; Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия археологической комиссии. Пг., 1914. Вып.56.

иригационного строительства в Краснодарском крае. На новостройках работали Н.В. Анфимов, П.А. Дитлер, А.Х. Нагоев, Н.Г. Ловпаче, Л.М. Носкова, А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов¹.

Интенсивные раскопки велись и в постсоветское время с начала 1990-х гг. и до наших дней такими исследователями, как Ф.К. Джигунова, А.А. Малышев, Е.А. Армарчук, И.А. Сорокина, В.Г. Житников и многими другими. Особенный размах они получили с середины 1990-х гг. в ходе прокладок трубопроводов к Черному морю. Раскопано большое число могильников разного времени, значительно дополнивших информацию о материальной культуре адыгов средних веков, включая и их вооружение². Таким образом, за последние сто лет был накоплен значительный археологический материал.

Методологической основой работы являются два основных принципа. Во-первых, это **принцип историзма**, лежащий в основе изучения объекта в развитии. При этом необходимо понять и объяснить, как данное явление возникло, какие этапы прошло на пути развития, какое место занимало в историческом процессе. В этом случае события и явления, связанные с военным делом адыгов, рассматриваются на основе соблюдения временной последовательности и преемственности. Во-вторых, – **принцип объективности** ориентированный на всесторонний анализ исторических событий и явлений, привлечение к исследованию

¹ Дитлер П.А. Могильник в районе п. Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т.II; Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1987. Т.3; Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985; Носкова Л.М. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991; она же: Средневековые погребения могильника на р. Пишиш в Адыгее (По раскопкам 1986 и 1988 годов) // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып.4; Пьянков А.В. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 году. // Архив КГИИМЗ. № 831. Краснодар, 1989; он же. Отчет о раскопках части грунтового могильника Бжид-1 в Туапсинском районе Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15133. М., 1990; Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Молдавановском Крымского района Краснодарского края в 1989 году // Архив КГИИМЗ. № 487. Краснодар, 1990 и др.

² Джигунова Ф.К. Раннесредневековый могильник близ а. Тауыхабль // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1994. Вып.4; Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской бухте // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1997. Вып.3; Носкова Л.М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М., 1999; Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001; Житников В.Г. Отчет о раскопках курганных могильников «Шебш-1», «Шебш-2» и «Шабановское-1» в Северском районе Краснодарского края в 1999. Ростов-на-Дону, 1999; он же. Отчет о раскопках курганных могильников «Шебш-1», «Шебш-2» и «Шабановское-1» в Северском районе Краснодарского края в 2000. Ростов-на-Дону, 2000.

различных по происхождению и содержанию источников. Исходя из данного принципа, предусматривалось формирование необходимой источниковой базы исследования.

В ходе исследования военного дела адыгов были применены такие научные методы, как проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, ретроспективный, методы узких датировок и датированных аналогий.

Проблемно-хронологический метод подразумевает выделение различных составляющих исследуемого явления – например, вооружения, военной организации, тактики – и рассмотрение каждой проблемы в хронологической последовательности.

Был применен также **сравнительно-исторический метод**, позволивший сопоставить различные этапы рассматриваемого периода по характерным для каждого из них признакам. В частности, при выделении различных хронологических этапов рассматривались сходства и различия между ними, чтобы проследить генетическую связь событий в изучаемый период. Был применен также **ретроспективный метод**, позволивший привлечь для реконструкции некоторых сторон военного дела адыгов изучаемого периода более поздние источники XVIII – первой половины XIX вв.

Использовался **метод узких датировок и датированных аналогий**, принятый в археологии. Это позволило при сравнительном анализе датировать комплексы и отдельные вещи из погребений с целью определения времени захоронения, социального статуса погребенного и, нередко, его этнической принадлежности.

Научная новизна исследования определяется следующим:

- широким обобщением сведений отечественных и зарубежных источников по истории военного дела адыгов;
- комплексным подходом к изучению военного дела с использованием письменных источников, а также этнографических и археологических материалов;
- в диссертации впервые комплексно определяются виды и наборы вооружения, прослеживается его эволюция;
- последовательно рассматриваются военная организация, структура, стратегия и тактика адыгов, определяется их военный потенциал;
- автором сгруппированы и проанализированы сведения о фортификационном и морском деле адыгов. На основе прямых, косвенных и более поздних письменных источников, впервые реконструируются особенности укреплений, тактика обороны, методы осады, а также методы действий на море и боевые суда адыгов.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при изучении средневековой истории Северо-Западного Кавказа, издании учебников, учебных пособий, лекционных курсов по истории России. Они будут полезны при изучении военного дела и истории сопредельных стран и народов, а также могут найти отражение в соответствующих разделах музейных экспозиций.

Апробация. Некоторые аспекты исследования освещены в статьях автора, опубликованных в научных сборниках. Их общий объем составляет 7,4 п.л. Автором также была издана научная работа о военном деле предков адыгов объемом 7,2 п.л. Соискатель выступал с докладами на научных студенческих, краевых и межрегиональных конференциях в 1999–2003 гг., материалы которых опубликованы.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, рассматриваются выбранные географические и хронологические рамки исследования, степень разработанности проблемы в историографии, определяется практическая значимость и научная новизна диссертации, характеризуются методологические основы исследования и издания, где опубликованы основные положения и выводы диссертации.

Первую главу «Хронология основных военно-политических событий в истории адыгов в средние века, комплекс вооружения и его эволюция» открывает параграф «Военная история адыгов и их предков в эпоху средневековья».

К VIII в. часть Северо-Западного Кавказа входит в состав Хазарского каганата. Южнее, во второй половине этого столетия, образуется раннефеодальное Абхазское царство. Между этими государственными образованиями, в горах и на побережье (Геленджик–Сочи), расселялись зихи. В это же время в Западном Закубанье от реки Псекупс до Черноморского побережья и по побережью от Анапы до Геленджика появляется новое население, хоронившее по обряду кремации. Есть основания полагать, что пришельцы были поселены в этих местах хазарами для защиты своих южных границ¹. Некоторые ученые связывают это население с касогами-адыгами². Однако в ходе исследований эти кремации были соотнесены с населением Западной

¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. СПб., 1994. С. 25.

² Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 71.

Сибири¹ и не могут принадлежать автохтонному населению Северо-Западного Кавказа. На основе этих параллелей и анализа письменных источников некоторые исследователи² опровергают утвердившееся в научной литературе мнение об изначально кавказском происхождении касогов³. Тем не менее, нет никаких сомнений, что эта этническая группа приняла непосредственное участие в этногенезе адыгов⁴ и оказала определенное влияние на их культуру, что подтверждается и исследованием вооружения. Таким образом, касоги хазарского времени могут считаться одним из компонентов, который формировал адыгский этнос и его культуру.

Внутренние усобицы и войны с аланами, печенегами, зихами значительно ослабили Хазарский каганат, и к середине X в. он практически перестает существовать. Зихия расширяет свои границы по Черноморскому побережью до низовий Кубани, впадавшей в Черное море (ныне Старая Кубань), а также занимает часть Западного Закубанья. В первой половине X в. земли восточнее Псекупса в Закубанье контролировала Алания, а в низовьях бассейна этой реки расселялось смешанное алано-болгарское население⁵.

К концу XI в. в Прикубанье появляются новые кочевники – половцы. В это же время Тмутаракань переходит под контроль Византии⁶. Относительно стабильный период XII – первой трети XIII вв. прерывают походы монголов 1237–1242 гг. Одними из первых их натиск почувствовали на себе адыги Северо-Западного Кавказа осенью–зимой 1237 г.⁷. Однако, по-видимому, лишь к концу XIII в. значительная их часть была подчинена монголами.

¹ Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска – Геленджика // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978. С. 48–49.

² Новичихин А.М. Анапский район в средние века // Очерки истории Анапы. Анапа, 2000. С. 92; Пьянков А.В. Касоги - касахи - кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып.1.

³ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 20, 21; Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С. 112; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 26; Панеш Э.Х. К ранней истории адыгов // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 45.

⁴ Пьянков А.В. Касоги - касахи - кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып.1. С. 205.

⁵ Каминский В.Н. Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып.1. С. 74, 75.

⁶ История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 148.

⁷ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из персидских сочинений). Т.П. М., Л, 1941. С. 32, 33.

На протяжении всего XIV в., с некоторыми перерывами, вплоть до Куликовской битвы и походов хана Тохтамыша, адыгские воинские формирования фиксируются в составе войск Золотой Орды. В 1395 г. её разоряет Тамерлан (Тимур). Во время его вторжения пострадали земли и Черкесии, часть которой являлась одним из «улусов» этого государства¹. Это нашествие, которое адыги пережили, видимо, относительно легко, помогло им в итоге окончательно избавиться от власти золотоордынских ханов. В это время в состав Черкесии входили Закубанье, юго-восточное Приазовье и Черноморское побережье от Анапы до Сочи включительно.

В 1475 г. турки захватывают генуэзские колонии в Северном Причерноморье, а в 1479 г. совершают первый крупный поход в Черкесию². По-видимому, это была попытка перекрыть поступление рабов и волонтеров с Северо-Западного Кавказа в Мамлюкский султанат, что косвенно подтверждает начавшаяся спустя 6 лет первая османомамлюкская война. С этого времени начинается так называемый «османский этап» в истории адыгов. В это время турки начинают строить крепости на Таманском полуострове и закрепляться в регионе.

К 1539 г. относится второе крупное вторжение турок и крымских татар на земли адыгов, которое закончилось неудачей. В течение 40-х и первой половины 50-х гг. XVI в. было совершено несколько походов на адыгские феодальные княжества Жанетию, Хатукай, Бжедугию, Кабарду³. Отличительной особенностью этих походов от более ранних столкновений было не только применение больших масс войск (40–70 тысяч воинов), но и артиллерии, ручного огнестрельного оружия. Ряд поражений понесенных в результате этих вторжений заставили адыгских князей искать поддержки у страны, мало чем уступавшей Османской империи, – Московской Руси. Именно поиском такого равнозначного союзника и были вызваны посольства целого ряда адыгских князей в Москву в 1550-е гг. Следствием этого стало соглашение о союзе и покровительстве России над некоторыми областями Черкесии в обмен на взаимную помощь и совместное противодействие турецко-татарской экспансии.

Периодически, на протяжении второй половины XVI–XVII вв., многочисленные адыгские воинские формирования отдельных князей и их дружин проходили службу в России или же являлись союзниками

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из персидских сочинений). Т.II. М., Л., 1941. С. 122, 130, 131.

² Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерк по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв.// Исторические записки. М., 1938. Вып.3. С.129; Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 52.

³ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 107–111.

Москвы. Например, в 1556 г. адыгские отряды захватили крепости Темрюк и Тамань¹. С другой стороны, известно, что позднее воинские контингенты всех адыгских княжеств и областей, от Жанетии на западе и до Кабарды на востоке, участвовали в походе турок на Азов и осады этой крепости, захваченной казаками в 1637 г.²

Во втором параграфе главы «Наступательное вооружение: основные характеристики его видов и этапы их развития» содержится анализ наступательного вооружения адыгов на протяжении всего изучаемого периода. Он разделен на четыре этапа, каждый из которых характеризуется особым набором оружия.

В хазарское время (середина VIII – первая половина X вв.) наступательное вооружение состоит из сабли длиной 75–85 см, кинжалов узких, длинных и так называемого уйбатского типа, боевых метательных ножей, копий знамен-штанدارтов и пик, приспособленных для пробивания кольчуги, топоров, сложного лука и стрел с разнообразными наконечниками в зависимости от цели применения. Редко встречаются кистени.

Во второй половине X – середине XIII вв. набор оружия представлен саблями, наконечниками копий и пик, кинжалами, метательными ножами, сложносоставными луками и стрелами с двухлопастными и бронебойными наконечниками для пробивания кольчужных доспехов. Следует отметить, что сабли и наконечники пик второй половины X–XI вв. по основным характеристикам продолжают традиции хазарского времени. Позднее, сабли становятся длиннее (85–110 см), и с более выраженным плавным изгибом клинка.

В золотоордынское время (вторая половина XIII–XV вв.) вооружение претерпевает некоторые изменения: средняя длина сабель достигает 95–115 см, они становятся более изогнутыми: величина изгиба доходит до 6 см. Наконечники копий с широким пером, а пики – с более узким и близким к квадратному сечению. Известны кинжалы и боевые ножи, реже встречаются топоры, шестоперы, булавы, которые появились, вероятно, в результате влияния монголов. Луки сложные. Стрелы, как и раньше, в основном с двухлопастными и бронебойными гранеными наконечниками, известны монгольские – трехлопастные.

В XVI–XVII вв. наступательное вооружение состояло из сабли, которая достигает иногда в длину до 125–130 см, и с еще более увеличенным

¹ История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). М., 1988. С. 317.

² Челеби Эвлия. Книга путешествия (извлеченная из сочинений турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. С. 28.

изгибом клинка. Оружие представлено копьями, луками и стрелами с двухлопастными и бронебойными наконечниками стрел, боевыми ножами. В XVII в. распространяется огнестрельное оружие, которое впоследствии повлияло на весь комплекс наступательного и отчасти защитного вооружения адыгов XVIII–XIX вв.

В третьем параграфе «Защитное вооружение: характеристика и эволюция на протяжении рассматриваемого периода» рассматриваются основные виды защиты адыгского воина.

Защитное вооружение середины VIII – первой половины X вв. представлено шлемами, клепанymi обычно из трех - четырех пластин с глухими бармицами и кольчугами длиной до локтей и колен. Доспех дополнялся пластинчатыми наручами, поножами, наплечниками. Скорее всего, использовались деревянные щиты.

Во второй половине X – середине XIII вв. защитное вооружение представлено не так широко, как в предшествующий период. В основном это шлемы из двух склепанных сегментов с бармицами, кольчуги, которые, по-видимому, постепенно укорачиваются до бедер; исходя из специфики боя, можно предположить использование и наручей, и поножей, и щитов.

Защитное вооружение второй половины XIII–XV вв. представлено шлемами обычно из четырех, реже из двух, сегментов, которые часто соединялись с помощью клепок. На некоторых шлемах зафиксированы крепления для бармицы. Кольчуги длиной до локтей и до бедер с отворотом для надевания их через голову. Деревянные щиты усиливались в центре железными круглыми умбонами с перекрещенными поверх них фигурными пластинами и дополнительными оковками в центре и по краю щита. Обычно они округлой, реже – прямоугольной формы. Использовались, по-видимому, пластинчатые наручи и поножи.

На заключительном этапе (XVI–XVII вв.) защитное вооружение не претерпевает особых изменений. Однако к XVII в. у адыгов появляются мисюрки, которые, как и шлемы этого времени, стали изготавливать с закрепленными по всему периметру боевого наголовья бармицами, закрывавшими и верхнюю часть лица. В это время применялись щиты, пластинчатые наручи и поножи. Основным видом доспеха остается кольчуга, хотя можно отметить применение знатными воинами дополнительной защиты корпуса в виде зеркал и легких кованых кирас. Этот вид доспеха адыги могли позаимствовать во время службы в европейских странах и участия в войнах в Восточной Европе.

Вторая глава «Организация и структура вооруженных сил, фортификация, тактика и стратегия обороны и нападения, военный

потенциал средневековых адыгов» открывается параграфом «Военная организация и структура войска».

По археологическим данным, в период существования Хазарского каганата во главе отрядов касогов стоят предводители, имеющие богатое конское снаряжение, вооружение и, возможно, штандарты. По-видимому, они являлись «тысячниками». Выделяются также «десятники» и «сотники». Кавалерия состояла из воинов-профессионалов, а пехота – из ополчения. Военная организация зихов строилась на принципах «военной демократии», когда во главе племени стоит вождь, вокруг которого группируются профессиональные воины.

Во второй половине X–XIII вв. происходила интеграция зихов и касогов в адыгский народ и окончательное сложение раннефеодальных отношений. Конное войско состояло из княжеских дружин, вооруженных саблями, пиками, луками со стрелами, боевыми ножами. Для защиты использовались шлемы, кольчуги, щиты. Пехотные части составляли ополченцы, собиравшиеся, как и прежде из крестьян, в случае общей опасности для защиты своей территории, или при походах на ближайших соседей. В дальних рейдах участвовала исключительно хорошо вооруженная кавалерия.

Золотоордынская эпоха характеризуется дальнейшим развитием феодальных отношений у адыгов, чему, помимо внутренних причин, немало способствовали и внешние: контакты с Золотой Ордой и итальянскими колониями на побережье. Адыгские земли в это время разбиты на ряд княжеств, во главе которых стояли удельные князья с конными дружинами. Полный набор вооружения таких воинов состоял из сабли, копья, боевого ножа, кинжала, лука со стрелами. Из защитного вооружения использовали шлемы, кольчуги, щиты. Вооружение пехоты было проще, чем у дружинников: кинжалы, боевые ножи, копья, топоры.

В XVI–XVII вв. происходит дальнейшее углубление феодальных отношений, и, как следствие, – усиление раздробленности. Во главе каждого отдельного адыгского княжества со столицей-резиденцией и подвластным населением стоял князь, имеющий хорошо вооруженную и экипированную конную дружину. В случае всеобщей опасности дополнительно собиралось ополчение из крестьян.

Во втором параграфе «Стратегия, тактика и численность вооруженных сил» исследуются стратегические и тактические приемы средневековых адыгов, а также гипотетическая численность выставляемого войска.

О стратегии в хазарское время данных нет, а тактика определялась набором вооружения. Войны с полным или почти полным набором

вооружения составляли тяжелую кавалерию. После первого столкновения она отбрасывала копья и щиты и переходила на клинковое и ударное оружие. Общая численность конных воинов-профессионалов у касогов могла достигать в это время не менее 4–5 тысяч всадников. Войско зихов состояло, по-видимому, из конницы и пехоты, с преобладанием последней.

Во второй половине X – середине XIII вв. вторжения на чужие территории сводились, по-видимому, к набеговой системе – «зеклуэ». В этом заключалась, собственно, стратегия «малой войны». Территория расселения и численность вооруженных сил в это время значительно увеличиваются. Можно предполагать, что общая численность воинов, которую могли выставить адыги в XII–XIII вв., могла достигать до 30–40 тысяч.

В золотоордынскую эпоху принципы ведения войны почти не изменились. Конница во главе с князьями совершала дальние походы-набеги. В тактике применяется разделение войск на отдельные отряды: авангард, основные силы, группа прикрытия. При обороне, в зависимости от ситуации, адыгами использовались различные методы: тактика «выжженной земли» с попытками задержать противника еще на подступах к своим землям, устраивая засады и атакуя его небольшие отряды, как это было, например, во время вторжения войск Тимура осенью 1395 г. На равнине адыгская кавалерия атаковала в пики, используя сомкнутый строй, может быть, в 1–2 шеренги. В зависимости от обстановки во время боя применялся и рассредоточенный строй. Численность вооруженных сил Черкесии в это время могла достигать примерно 50–60 тысяч воинов.

В XVI–XVII вв. стратегия войны, как и раньше, в большей степени сводится к набеговой системе. Исходя из обстановки использовались различные тактические приемы. В частности, для введения противника в заблуждение выдвигались небольшие отряды чтобы затем заманить преследователя к месту засады основных сил, для его последующего окружения и уничтожения.

При обороне от превосходящих сил противника активно использовались примерно те же методы, что и в предыдущее время, а также раздробление основных сил неприятеля на небольшие отряды с целью дальнейшего уничтожения.

С появлением огнестрельного оружия значение пехоты возрастает, ее активно используют в горной местности. Эффективность стрелкового оружия достигалась залповым огнем, особенно из засад. В XVI–XVII вв. количество жителей увеличивается, и все адыгские княжества могли выставить в это время не менее 80–100 тысяч конных и пеших воинов.

В третьем параграфе рассматриваются фортификация и способы ведения обороны и осады укреплений в средние века. Ввиду

малочисленности письменных и археологических данных, эти вопросы изучены слабо. Однако, на основе имеющихся сведений, можно утверждать, что для местного населения Северо-Западного Кавказа были характерны плетневые и деревоземляные укрепления.

Причем в равнинных районах адыги использовали в основном плетень, тогда как в предгорьях и горах — дерево и плетень, иногда усиленные камнем.

На двух последних территориях укрепления обычно были более мощными и долговременными. Чаще всего такие поселения основывались в естественно укрепленных природой местах, рядом с питьевой водой. Поселения на равнине не были рассчитаны на долговременную оборону, и служили для защиты от отдельных разбойничьих ватаг. Подвижный образ жизни адыгов приводил к тому, что в случае серьезной опасности население уходило в горы.

Прямых данных о наличии у адыгов каменных укреплений в средние века нет. Как сообщают письменные источники, постройка таких укреплений для наиболее обеспеченных слоев населения Черкесии считалась зазорной и расценивалась как трусость.

Об обороне и осаде крепостей известно еще меньше, и в основном из поздних письменных источников, из которых следует, что адыги не владели тактикой долговременной осады крепостей, особенно на чужой территории. Укрепления они брали либо хитростью, либо штурмом. При этом применялись зажигательные стрелы, ручные тараны, подкопы и некоторые другие средства.

Защита селений в горах была наиболее эффективной, особенно против кочевников, и, по-видимому, сочетала в себе пассивную и активную оборону. Еще на подступах к укрепленным пунктам адыги устраивали засады и ловушки, действовали мобильные конные отряды.

Третья глава «Морское дело адыгов: средневековое пиратство, военные суда и способы применения их на море» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «История адыгского пиратства в средние века» рассматривается хронология событий, связанных с пиратством в VIII–XIII вв., XIII–XV вв. и XVI–XVII вв.

В VIII–XIII вв. судя по отрывочным письменным источникам, этот вид морской деятельности адыгов еще не имел широкого распространения, которое мы встречаем у них в позднем средневековье. Основной сдерживающей силой развития пиратства на Черном море в это время являлась Византия, господствовавшая на Черном море до начала XIII в.

Письменные источники отмечают большую активность адыгских пиратов в позднем средневековье. Они нападали на торговые суда, сходились в морском бою с военными судами противника, высаживали десанты на чужую территорию. Это была грозная сила, с которой в разное время приходилось считаться и грекам, и итальянцам, и туркам.

И если в раннем средневековье адыги были мало известны странам бассейна Черного моря как пираты, то в позднем средневековье этот промысел у них стал одним из основных. Последнее обстоятельство было вызвано появлением во второй половине XIII в. в Северо-Восточном Причерноморье итальянских колоний. Генуэзцы и венецианцы создали активный спрос: наладили сбыт награбленных товаров и продажу захваченных пиратами людей в рабство. О размерах этого промысла может говорить тот факт, что рабов ежегодно продавали тысячами.

Одно из первых упоминаний о действиях адыгских пиратов на море относится к 1290 г., когда они в районе Джубги были атакованы итальянской галерой, нанятой Аргун-ханом для охраны своих судов в черноморском бассейне. В 1457 г. князь Кадибельди захватил замок в Матреге, а на следующий год адыгские пираты напали на Трапезундскую империю.

В первой четверти XVI в. отмечается активизация боевых действий адыгов на море против Османской империи, пираты контролируют путь из Кафы в Константинополь. Для усиления своего присутствия в регионе турки строят крепости Темрюк и Тамань. В июле 1572 г. флотилия адыгов в количестве 24 судов нападает на северное побережье Османской империи в районе Трапезунда или несколько западнее его, нанеся значительный урон туркам. Сохранились сведения об активизации абхазских и адыгских пиратов на море недалеко от побережья Абхазии и Черкесии в 1672 г.

Письменные источники позднего средневековья указывают на ежегодные угрозы и постоянную активность адыгских пиратов на море. Этот факт свидетельствует о том, что значительная часть сведений об этом «промысле», до нас просто не дошла.

Во втором параграфе «Боевые суда и методы ведения морского боя» дано описание адыгских судов и способов их применения в бою. Оно основано на письменных источниках первой половины XIX в., но, ввиду консервативности военного дела адыгов, эти данные можно использовать для их реконструкции применительно к позднему средневековью.

Боевые суда адыгов изготавливались на тонком деревянном каркасе и обшивались досками, плотно скрепленными друг с другом деревянными нагелями и гвоздями. Всего было выделено три основных вида боевых судов. Различия между ними определены в зависимости от численности

их экипажа, тоннажа и оснастки: небольшие лодки с экипажем в 12–15 человек, без штурвала и мачты; барки средних размеров с экипажем в 25–30 человек и со штурвалом; крупные боевые «галеры» с экипажем от 40 до 120–140 человек, со съемной мачтой с треугольным и/или квадратным парусом. Последние можно разбить на два варианта по численности экипажа: первый – от 40 до 70–80 человек, и второй – от 100 до 140 человек. Длина самых крупных боевых кораблей «галер» могла варьироваться от 28 до 35 метров при ширине 4–4,5 м.

Все суда имели вытянутый нос, а «галеры» – выделенную корму, на которой располагалась часть команды, не участвующая в гребле. На носу крепилась голова козла или барана. Движение осуществлялось, в первую очередь, с помощью коротких весел с поперечными перекладинами для рук.

Для похода адыги собирали большие флотилии, насчитывающие до нескольких десятков боевых единиц. Например, в походе на османское побережье летом 1572 г. участвовало 24 судна. С учетом того, что в дальних морских рейдах, скорее всего, использовали крупные «галеры», вмещавшие от 40 до 140 человек, при средних данных по 80–100 человек на одно судно мы получим общую численность приблизительно в 2–2,5 тысячи воинов.

Нападали пираты как ночью, так и днем, обычно в тихую погоду, когда штиль застигал парусные торговые суда недалеко от берега. В зависимости от цели нападения на подходе применялись луки с зажигательными или обычными стрелами. Сцепка с судном осуществлялась с помощью багров с крюками на концах. На крупных судах выделялись специальные abordажные команды для штурма.

Дальность действия адыгских пиратов достигала 20–30 километров от берега, а побережье и акватория были поделены между различными князьями и владетелями. Письменные источники позднего средневековья и XVIII–XIX вв. сообщают о многочисленных морских стоянках адыгов.

В **Заключении** диссертации подведены итоги исследования и сформулированы выводы.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

- военное дело адыгов в рассматриваемый период являлось одной из главных и неотъемлемых частей их культуры;

- в период с VIII по XVII вв. произошли существенные изменения в уровне развития адыгского общества, которые отразились на вооружении, отличном от паноплии как V–VII вв., так и от XVIII–XIX вв. В VIII–IX вв. на Северо-Западном Кавказе появляются сабли, пики, стреме́на, массовым становится применение метательного оружия и новых средств защиты;

– выявленные в ходе исследования военная организация, структура, стратегия и тактика адыгов были приспособлены для борьбы, прежде всего, с кочевым миром степей, а также в горах и на море;

– деревоземляная фортификация показала эффективность по сравнению с каменными укреплениями, поскольку позволяла при минимуме физических затрат достичь необходимого результата при вторжении противника;

– основой оборонительной тактики и стратегии был уход в глубь своей территории, при одновременном маневрировании и атаках на неприятеля, что не давало ему возможности закрепляться, и вместе с тем изматывало его;

– морское дело причерноморских адыгов было частью их военной системы; оно получило значительное развитие и способствовало возникновению морских флотилий с определенным типом боевых судов, обусловленным географией побережья и социально-экономическими возможностями;

– для более детального исследования вооружения, военной организации, фортификации и некоторых других сторон военного дела адыгов большое значение представляет использование археологического материала.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Схатум, Р.Б. История изучения военного дела адыгов и их предков / Р.Б. Схатум // Древности Кубани. Краснодар, 2000. Вып.17. – 0,6 п.л.

Схатум, Р.Б. Вооружение оседлых племен Северо-Западного Кавказа в раннем железном веке (конец IX в. до н.э. – II в. н.э.) / Р.Б. Схатум // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Краснодар, 2000. – 0,2 п.л.

Схатум, Р.Б. Войско оседлых племен С-З Кавказа в позднемеотский период (сер. I в. до н.э. – нач. III в. н.э.) / Р.Б. Схатум // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. – 0,3 п.л.

Схатум, Р.Б. Из истории военного дела предков адыгов. / Р.Б. Схатум. Краснодар, 2001. – 7,2 п.л.

Схатум, Р.Б. О некоторых этнических названиях адыгов в прошлом / Р.Б. Схатум // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2002. Вып.8. – 0,3 п.л.

Схатум, Р.Б. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция,

реставрация, реконструкция / Р.Б. Схатум, В.М. Дымченко // Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения КГУКИ. Краснодар, 2003. Вып.1. – 0,4 п.л.

Схатум, Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период / Р.Б. Схатум // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып.3. – 0,8 п.л.

Схатум, Р.Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. / Р.Б. Схатум // Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения КГУКИ. Краснодар, 2004. Вып.2. – 0,5 п.л.

Схатум, Р.Б. Шлемы из Убинского могильника / Р.Б. Схатум // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып.5. – 0,7 п.л.

Схатум, Р.Б. Оборонительные сооружения и способы обороны и осады укреплений у адыгов в средние века / Р.Б. Схатум // Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов-на-Дону, 2006. № 4. – 0,9 п.л.

Схатум, Р.Б. О времени появления огнестрельного оружия у адыгов / Р.Б. Схатум // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Сборник научных трудов (приложение к региональному научному журналу «Культурная жизнь Юга России»). Краснодар, 2006. Вып. 4. Т.2. – 0,3 п.л.

Схатум, Р.Б. Из истории военного дела адыгов. Адыгские пираты / Р.Б. Схатум // Журнал Синтез. Философия. Право. Экономика. Краснодар, 2006. №4. – 1,5 п.л.

Схатум, Р.Б. Из истории военного дела адыгов в средние века / Р.Б. Схатум // Вестник развития науки и образования. М., 2007. №5. – 0,7 п.л.

Схатум, Р.Б. Военное дело адыгов в VIII–XVII веках / Р.Б. Схатум // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2008. № 1 (26). – 0,2 п.л.

Общий объем публикаций 14,6 п.л.

Подписано в печать 16.10.2008. Формат 60х84/16
Гарнитура Times. Усл. п.л. 1,6. Тираж 100 экз. Заказ 71
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательско-полиграфической фирме
ООО Компания "Атриум"
350004, г. Краснодар, ул. Гвардейская 12

